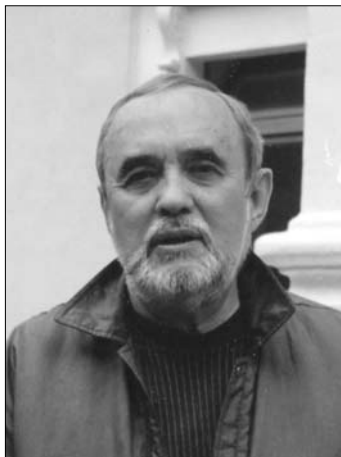

БОРИС СИРОТИН

“МЫ ЗАГАДАЛИ НА ЗВЕЗДУ...”

ПАМЯТИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Если жизнь не привал, а обвал —
Это признак большого таланта.
Жить спокойно тебе не давал
Бледный призрак “сурового Данта”.

Да, конечно, кругом вороньё,
Заглушавшее карканьем имя,
Но оно, это Имя твоё,
Высоко возносилось над ними.

Юра, мне фамильярность прости,
Был ты яркой и сложной натурой,
Но и прост был в тяжёлом пути,
И я звал тебя запросто Юрой.

Как и все. Это гордость твою
Не корбило, не принижало,
Пел у жизни на самом краю —
Сердце нежное, “мудрое жало”.

СИРОТИН Борис Зиновьевич родился в 1934 году в оренбургской деревне. Автор многих стихотворных сборников, постоянный автор журнала, Лауреат Всероссийской премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

Ты меня не щадил, Кузнецов,
Не всегда справедлив был, ну что же,
Что дороже, в конце-то концов?
Мне стихи твои, Юра, дороже.

Сам поставил ты точку в судьбе,
Это слабостью было жестокой,
И не надо бы, Юра, тебе
В ад кромешный спускаться до срока.

Может, Бог-то и не попустил,
Оборвал твою жизнь на полслове...
И народ наш зело загрустил,
Чтоб прочесть тебя жадно и внове.

* * *

Рожь возросла и выросла пшеница
В степи, капризам лета вопреки,
Какая мне нужна шальная Ницца
Средь злаков, у божественной реки!

Заплачено за эти шири кровью
И русичей, и Золотой Орды...
С полей исходит жёлтый жар здоровья,
Прохладой силы веет от воды,

Порой сквозь сон я слышу рёв верблюдов,
И ржание коней, и скрип телег,
И трудно мне порой уйти оттуда,
Вернуться вновь в мой XXI век.

...Да мой ли он, вот этот Двадцать Первый,
Обязан ли я чем-нибудь ему?..
Мобильники звонят, тончают нервы,
Компьютеры пророчат вход во тьму.

И хочется всегдашнего, простого,
Которое нетрудно перечесть:
Речной прохлады, жаркого простора
Хлебов — и, слава Богу, это есть!

* * *

Сугубый житель городской,
Я эти годы не забуду,
Гляжу со светлою тоской
В тот дальний мир, подобный чуду.

Ведь этот чудо из чудес,
Почти божественные знаки —
Среди степи шумящий лес,
И степь сама, где зреют злаки.

Они созрели — и вдвоём
С моей беременной супругой

Мы песню в кузнице поём,
И ветер в лица бьёт упруго.

В копёшку рухнем мы — и вот
Ночной вдыхаем сытный воздух.
Уже округл её живот,
И слышится им отзвук в звёздах.

Пылит небесная стезя,
В ответ звенит сверчками поле.
Мне трогать милую нельзя,
Но я тянусь к ней поневоле...

Тогда, в том памятном году,
Раскинувшись в копне устало,
Мы загадали на звезду,
Нам дочку небо нашептало.

2008

* * *

Гололёд, неловкие движенья,
Воздух беспокойный и сырой,
В горле предгриппозное першение,
Хрипнут электрички под горой.

Вот он и декабрь. Хотя и редко,
Всё же удаётся, подлецу,
Голою и отсыревшей веткой
Вдруг тебя ударить по лицу.

Но давно люблю я эту пору,
Сердцем, а не только головой.
Шумному вороньему раздору
Радуюсь — ведь всё же звук живой.

Радуюсь тому, что мало света,
Много тьмы, и можно в тишине
Помечтать о тёплых розах лета
И о волжской ласковой волне.

Проникать сквозь хмурь бывалым взглядом
И, тепла впивая благодать,
Точно знать, что солнце ходит рядом,
Вот оно... лишь только не видать.